

ОГЛАВЛЕНИЕ

Оглавление	3
Введение	6
<i>Глава 1. Историография и источники</i>	17
1.1. Историография	18
1.1.1. Промысловая колонизация в оценках отечественной историографии XIX — начала XXI в.	18
1.1.2. Мурманский и новоземельский промыслы XVI–XVIII вв. в оценках отечественной историографии	27
1.1.3. Артель мурманского и новоземельского промыслов в оценках отечественной историографии	42
1.2. Источники	61
1.2.1. Документы центральных и региональных учреждений власти.	61
1.2.1.1. Документы кадастра	61
1.2.1.2. Документы таможен Архангельска, Холмогор, Кольского острога	62
1.2.1.3. Документы центральных органов власти	68
1.2.1.4. Материалы статистических описаний	69
1.2.1.5. Следственные дела	75
1.2.2. Документы монастырских архивов	75
1.2.2.1. Николо-Корельский монастырь	76
1.2.2.2. Соловецкий монастырь	84
1.2.2.3. Крестный Онежский монастырь	90
1.2.2.4. Красногорский Богородицкий монастырь	96
1.2.2.5. Малые монастыри Поморья: Кандалакшский Пречистенский, Троицкий Печенгский, Пертоминский Преображенский	97
1.2.2.6. Холмогорский архиерейский дом	98
Выводы	103
<i>Глава 2. Этапы освоения районов Европейской Арктики и участники промысловой колонизации</i>	106
2.1. Территория, природные условия и особенности промысла	106
2.2. Промысловое освоение Мурманского берега в XVI–XVIII вв.: районы промысла, этапы крестьянской и монастырской промысловой колонизации.	113
2.2.1. Районы промысла	113
2.2.2. Освоение Мурманского берега монастырями Поморья и Холмогорским архиерейским домом	121

2.3. Состав мурманских промышленников в XVII–XVIII вв.	128
2.3.1. Состав мурманских промышленников в XVII в.	128
2.3.2. Состав мурманских промышленников в первой трети XVIII в.	132
2.3.3. Состав мурманских промышленников во второй трети XVIII в.	137
2.3.4. Состав мурманских промышленников в последней четверти XVIII в.	140
2.4. Состав монастырских мурманских промышленников в XVII–XVIII вв. ...	145
2.5. Занятость в мурманском промысле русского населения Кольского уезда в конце XVI – XVIII в.	147
2.6. Возрастной состав промышленников. Участие в мурманском промысле женщин	153
2.7. Этапы промысловой колонизации архипелага Новая Земля в XVI–XVIII вв.	154
2.8. Состав новоземельских промышленников	157
Выводы	162
<i>Глава 3. Инфраструктура промысловой колонизации.</i>	<i>164</i>
3.1. Планирование промысла	164
3.2. Подготовка предметов промысла	173
3.3. Становища и подворья	181
3.4. Суда и доставка грузов	189
3.5. Руководство доставкой грузов.	195
3.6. Инфраструктура новоземельского промысла	202
Выводы	206
<i>Глава 4. Социально-экономическая структура промысловой колонизации</i>	<i>208</i>
4.1. Артель мурманского и новоземельского промыслов	209
4.1.1. Терминология артели	209
4.1.2. Численность и состав артели.	215
4.1.3. Комплектование артели	224
4.1.4. Руководство артелью	235
4.1.5. Договорные отношения.	245
4.1.6. Формы артельных объединений	250
4.2. Покрут мурманского и новоземельского промыслов.	261
4.2.1. Терминология покрута	261
4.2.2. Предварительные выплаты	266
4.2.3. Порядок раздела добычи.	273
4.2.4. Доходы артели	281
Выводы	292
<i>Глава 5. Технология промысла и объемы добычи, место промысла в системе хозяйства</i>	<i>296</i>
5.1. Технология мурманского промысла	296
5.2. Технология обработки рыбы	303
5.3. Технология новоземельского промысла.	311
5.4. Объемы добычи мурманского и новоземельского промыслов	312
5.5. Место мурманского промысла в хозяйственной жизни Поморья	319
Выводы	326

<i>Глава 6. Монастырская и крестьянская промысловая колонизация европейской Арктики в зеркале государственной политики в XVI–XVIII вв.</i>	328
6.1. Организация таможенного управления в XVI — первой трети XVIII в.	329
6.2. Мурманский и новоземельский промыслы в отражении царских жалованных и указных грамот.	338
6.3. Государство и мурманский рыбный промысел в XVIII в. Изъятие мурманских промыслов духовных организаций в казну в начале XVIII в.	344
6.4. Меры содействия развитию крестьянского промысла на Мурманском берегу	356
Выводы	360
<i>Глава 7. Повседневная жизнь мурманских и новоземельских промышленников.</i>	363
7.1. Подготовка к походу и проводы	365
7.2. Дорога на промысел.	368
7.3. Труд.	375
7.4. Питание	381
7.5. Досуг и отдых.	385
7.6. Религиозная повседневность	393
7.7. Несчастные случаи и происшествия, смерть на промысле	401
Выводы	406
Заключение	408
Приложения	412
Словарь терминов	429
Список сокращений.	437
Список источников и литературы	440
Указатель имен	465
Указатель географических названий.	482

*Моей жене Людмиле и дочери Зое
посвящается эта книга*

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы большое значение приобретают вопросы развития Российской Арктики. И это неслучайно: Россия имеет самую протяженную (22 600 км) границу в арктической зоне. О ее значении для современного развития страны говорит принятие в 2013 г. «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации». Одной из основных задач, определяемых Стратегией, является комплексное развитие экономики Арктики, включая добычу полезных ископаемых, нефти и газа, а также рыболовство¹. Именно добыча рыбы и морского зверя на протяжении многих столетий составляла основу хозяйственного и социального уклада жителей Русского Севера — русских и коренных народов региона (карелов, саамов, ненцев).

Настоящее исследование посвящено проблеме промыслового освоения субарктических и арктических районов Европейской России в XVI–XVIII вв., осуществлявшегося монастырями и крестьянством. Эти районы представляют собой две отдаленные территории, известные русским по меньшей мере с XV в., но так и не ставшие до XX в. местами постоянного проживания. Речь идет о побережье Баренцева моря — Мурманском берегу — и архипелаге Новая Земля. Мурманский берег относится к субарктической зоне Европейской России², для которой характерны тундровый ландшафт, близость к арктическим льдам, что определяет краткость летнего и длительность зимнего периодов. Архипелаг Северного Ледовитого океана Новая Земля входит в арктическую зону Европейской России. Один из двух островов архипелага — Южный — покрыт ледником, а природно-климатические условия делают Новую Землю непригодной для жизни.

Суровость климата, а также отдаленность этих районов от хорошо освоенных территорий Русского Севера препятствовали их заселению, но делали привлекательными с точки зрения развития рыбных и звериных промыслов, осуществлявшихся здесь на протяжении столетий.

¹ Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года: [утверждена Президентом РФ 9 апреля 2018 г.] Электронный ресурс. Режим доступа: <http://legalacts.ru/doc/strategija-razvitija-arkticheskoi-zony-rossiiskoi-federatsii-i>. (Дата обращения: 17.05.2018).

² Субарктическим поясом называют географическую зону между 60° и 70° северной широты.

Какой смысл вкладывается в понятие «промысловая колонизация», и в чем заключается научная перспективность сформулированной проблемы? Колонизация (лат. *colonia* — поселение) — процесс освоения новых территорий, осуществляемый либо целенаправленно (государством), либо стихийно (социальными группами и организациями). Выделяются две основные формы колонизации — внутренняя и внешняя³. В зависимости от целей и организаторов колонизации принято говорить о разных видах этого явления⁴.

Внимание колонизации как фактору русской истории стали уделять еще исследователи XIX в., особенно представители государственной школы русской историографии⁵. Не меньшее значение ей придавали и советские историки, рассматривавшие колонизацию не только как процесс освоения новых территорий, но и как форму социального сопротивления народных масс. Дореволюционными и советскими учеными в научный оборот были введены такие определения, как крестьянская (народная) и монастырская колонизация, противопоставлявшиеся государственной.

В современной зарубежной историографии также уделяется внимание роли колонизации в истории России⁶. Исследователи выделяют такие типы колонизации, как заграничная/внешняя и континентальная/внутренняя (А. Рибер, Н. Брейфогль, В. Сандерленд), а также военная, государственная, народная/крестьянская (Б. Дэвис, М. Романелло, Б. Боек, Д. Шоу)⁷. Таким образом, для зарубежных исследователей особенностью исторического

³ *Тоскин Л. Ф.* Колонизация // Советская историческая энциклопедия. Т. 7: Каракеев — Кошакер. М., 1965. Стб. 512.

⁴ В дореволюционной историографии выделялись такие виды колонизации, как завоевательная, земледельческая и скотоводческая, торговая, плантаторская. См.: *Н. Р.* Колонизация // Брокгауз Ф. А. Энциклопедический словарь. Т. 15а: Коала — Конкордия. СПб., 1895. С. 736. Напротив, в советской историографии основной упор был сделан на классовую характеристику этого процесса. Так, помимо внутренней колонизации, носившей преимущественно мирный характер, выделялась и внешняя, опиравшаяся на военную силу и экономические интересы государства и связанная с колониальной политикой. См.: *Тоскин Л. Ф.* Указ. соч. Стб. 512–514.

⁵ Анализ взглядов историков «государственной школы» на проблему роли географического фактора в истории России см.: *Иллерецкий В. Е.* Сергей Михайлович Соловьев. М., 1980. С. 61–62; *Шапиро А. Л.* Русская историография с древнейших времен до 1917 г. М., 1993. С. 408–409, 537–538.

⁶ Проблема колонизации в современной британской и американской историографии рассмотрена в ряде работ. См.: *Большакова О. В.* Поверх барьеров: американская русистика после холодной войны. М., 2013. С. 112–146; *Ибнеева Г. В., Попов И. А.* Понятие колонизация в трудах современных англо-американских исследователей истории России // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. Т. 156, кн. 3. Казань, 2014. С. 267–276.

⁷ Подробный анализ понятийного аппарата современной англо-американской историографии русской колонизации рассмотрен в диссертации И. А. Попова. См.: *Попов И. А.* Факторы русской колонизации XVII–XVIII веков в современной англо-американской историографии: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2016. С. 21–44.

развития России является не только постоянное расширение границ, но и вовлеченность в колонизационный процесс разных участников — от государства до тех или иных групп населения (социальных, этнических, религиозных). Участие монастырей в хозяйственном освоении отдаленных территорий как самостоятельная научная проблема не ставится.

Тем не менее, колонизационные процессы не всегда вели к созданию постоянных поселений. Для этого нужны были условия, соответствовавшие привычному образу жизни колонистов, пусть и в минимальной степени. К ним, в частности, могли относиться условия для развития земледелия. В тех районах Русского Севера (значительная часть побережья Белого моря), где этих условий не существовало, но все же возникли постоянные поселения, был умеренный климат, не создававший экстремальных препятствий для занятий промысловой деятельностью. Представляется, что промысловая колонизация, связанная с хозяйственным освоением отдаленного региона, как раз и не сопровождалась попытками укорениться на новой территории, чему препятствовали как невозможность поддерживать привычный уклад жизни (сочетание сельского хозяйства с промыслами), так и слишком суровые климатические условия.

Таким образом, промысловая колонизация — это способ экстенсивного освоения отдаленных территорий Русского Севера, исключавший попытки укоренения.

Участниками процесса промысловой колонизации, как уже отмечалось, были две социальные силы — крестьянство и монастыри. Государство вплоть до вступления России на путь модернизационных реформ Петра I не проявляло особого интереса к этим районам, кроме осуществления фискальных функций. В начале XVIII в. под влиянием европейского опыта государство обращает внимание на отдаленные регионы и стремится создать здесь новые формы коммерческих объединений⁸, преследуя все ту же цель — извлечение максимальной выгоды в интересах казны. Попытки государства укорениться в субарктических и арктических районах были спорадическими и малоуспешными. Что же в таком случае позволяло крестьянству и духовным организациям Поморья в течение нескольких столетий, опираясь

⁸ Имеются в виду компании — коммерческие предприятия, обладавшие монопольным правом на скупку продукции промышленников Русского Севера. Руководили компаниями приближенные к власти сановники и купцы. О деятельности компаний в Поморье в XVIII в. см.: Исторический обзор распоряжений правительства относительно рыбных и звериных промыслов на Белом море и Северном океане // АГВ. 1860. № 30. С. 263–264; № 31. С. 273–275; № 32. С. 284–285; № 33. С. 292–295; Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. М., 1956. С. 341–346; Ушаков И. Ф. ИП. Т. 1. С. 172–175; Дадькина М. М., Крайковский А. В. «Промысел стараться умножить»: деятельность Сальной компании А. Д. Меншикова и морские промыслы на Русском Севере. 1704–1721 г. // Меншиковские чтения — 2014. СПб., 2014. Вып. 5 (12). С. 71–77. Вопрос о роли компаний в экономическом развитии региона до сих пор остается неисследованным.

преимущественно на собственные ресурсы, осваивать эти неприспособленные к жизни районы? Ответ прост: форма коллективной самоорганизации, обеспечивавшая промысел, — артель.

В рассмотрении проблемы артели, являвшейся одновременно формой хозяйственного объединения и средством промысловой колонизации, и заключается научная актуальность настоящего исследования. Оно подразумевает изучение ряда вопросов. Во-первых, это освоение и промысловое районирование субарктических и арктических территорий Европейского Севера. Исследование этого вопроса предполагает выявление роли отдельных территорий Поморья, задействованных в промысловом освоении отдаленных районов; выяснение состава и численности крестьян-промышленников, отправлявшихся на Мурманский берег и Новую Землю для промысла рыбы и зверя, рассмотрение участия монастырей в этом процессе; анализ взаимосвязи и взаимозависимости стихийного крестьянского промыслового освоения и хозяйственной деятельности монастырей; наконец, установление основных районов промысла и степени их освоенности, определявшейся наличием временных поселений промышленников.

Во-вторых, это формы организации промыслового процесса. Под последним понимается широкий набор практик, включающих снабжение промысла, транспортные коммуникации, порядок контроля на промысле, наличие кооперации между отдельными промысловыми объединениями. Исследование перечисленных аспектов проблемы позволит понять, как был возможен промысел на значительном удалении от мест, где жили крестьяне или находились монастыри.

В-третьих, это артель и формы артельных взаимоотношений. Этот вопрос включает целый ряд взаимосвязанных сюжетов: численность и состав артелей, территориальное происхождение членов артели (для духовных организаций), внутренняя иерархия артели, единоличная организация артели и деятельность артели в условиях кооперации промышленников. С этим вопросом связана и проблема покрута — системы эксплуатации работников артели (покручеников) и распределения доходов промысла между артелью и хозяином, а также внутри самой артели.

В-четвертых, это технология и объемы добычи промысла. Касаясь первого аспекта, отметим, что внимание исследователя должно быть сосредоточено не только на технологических особенностях рыбного и звериного промысла в доиндустриальную эпоху, что очевидно, но и на взаимосвязи этой технологии с артельной организацией. Речь идет о коллективных формах труда и распределении рабочих операций внутри артели в зависимости от статуса промышленника. Выявление объемов добычи промысла (что преимущественно возможно только для духовных организаций) позволит увидеть динамику его развития, подъемы и спады хозяйственной активности.

Наконец, значение имеет и вопрос о роли государства в хозяйственном освоении субарктических и арктических районов Европейской России. Как уже отмечалось, до начала XVIII в. эта роль была пассивной, ограниченной

только фискальными функциями. Петровская эпоха принесла такие новшества, как временная секуляризация церковных земель и развитие частной предпринимательской инициативы, позволявшей обогатить не только предпринимателя, но и само государство. Эти тенденции проявились и в развитии промыслов в отдаленных районах Поморья, где было проведено изъятие монастырских промыслов в казну и предпринята попытка организации «государевых промыслов» на Мурманском берегу. Государственная политика в отношении северных промыслов дает возможность исследовать взаимодействие общероссийских и региональных процессов, а также выявить причины постигшей ее неудачи.

Рассмотрение перечисленных вопросов должно выявить основные черты хозяйственного освоения субарктических и арктических районов Европейской России, что позволит определить типичные характеристики крестьянской экономики в экстремальных природно-климатических условиях и установить факторы устойчивости основных форм хозяйственного освоения региона — крестьянской артели и промысловой организации монастырей.

Исследование охватывает побережье Баренцева моря (Мурманский берег) и архипелаг Новая Земля. Выбор территориальных рамок обусловлен характером колонизации Русского Севера, обозначившимся еще в период Средневековья (XIII–XIV вв.). Уже тогда сложились два направления колонизации — южное побережье Кольского п-ова (Терский берег) и Печорское (район р. Печоры)⁹. Крайними точками этих направлений были Мурманский берег и Новая Земля. Помимо этого, территориальные рамки исследования включают отдельные районы Русского Севера: Кольский Север, Поморье, Подвинье, Мезень и Пинегу. Выходцы из этих районов, а также действовавшие здесь монастыри принимали участие в мурманском и новоземельском промыслах.

Отметим, что территориально-административная система Поморья основывалась на разных принципах деления — территориально-административном, территориальном и вотчинном¹⁰. В XVIII в. эта система неоднократно менялась в связи с губернской реформой и секуляризацией

⁹ *Овсянников О.В.* Поморская промысловая «энциклопедия» конца XVIII в. // *Культура Русского Севера*. Л., 1988. С. 71–74.

¹⁰ В исследовании М.М. Богословского выделены 22 территориально-административные единицы Поморья, носившие названия уездов, погостов и округов. Часть земель региона находилась в вотчинном владении Соловецкого монастыря, обладая признаком экстерриториальности по отношению к органам воеводского управления Поморья. См.: *Богословский М.М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в.: [в 2 т.]. [Т.] 1. Областное деление Поморья. Землевладение и общественный строй. Органы самоуправления. М., 1909. С. 10–28; Там же. Приложение I. С. 3–63. Территориально-административное деление Русского Севера нашло отражение и в современном каталоге писцовых книг, хранящихся в РГАДА. См.: *Писцовые книги Русского Севера*. М., 2001.

церковных земель¹¹. Помимо установленных государством территориально-административных единиц, Поморье знало и деление на историко-этнокультурные и хозяйственные районы, сложившиеся по побережью Белого моря и р. Двине. Ими были поморские берега и Подвине¹².

Таким образом, изучая территориальный состав промышленников, необходимо использовать как взаимодополняемые обе системы — официальную территориально-административную структуру региона (уезды и губернии) и исторически сложившиеся историко-этнокультурные области Поморья.

Хронологические рамки исследования охватывают период с XVI по XVIII в. Выбор нижней планки исследования обусловлен тем, что именно в этот период берет начало крестьянская и монастырская колонизация Мурманского берега и Новой Земли. На протяжении XVIII в. участие монастырей в промысловой колонизации прекращается в силу ряда неблагоприятных факторов. Стихийная народная колонизация Мурманска и Новой Земли сохраняется и в XIX в., но в то же время большое значение приобретают новые факторы освоения Российской Арктики: выявляется государственный интерес к заселению и интенсивному экономическому развитию этих территорий.

В нашей работе предполагается решение следующих задач:

1. Выявить районы Поморья, вовлеченные в промысловую колонизацию Мурманского берега и Новой Земли.

2. Раскрыть развитие системы становищ (промысловых поселков) на Мурманском берегу, выявить типологические черты организации станов (жилищно-хозяйственных комплексов) мурманского и новоземельского промыслов.

3. Определить соотношение этапов монастырской и крестьянской промысловой колонизации районов Российской Арктики.

4. Рассмотреть роль социальных коммуникаций и хозяйственной кооперации в организации промыслового освоения.

5. Проанализировать роль промысловой артели в хозяйственном освоении отдаленных районов Русского Севера, ее состав и порядок комплектования.

¹¹ Изменения в административной структуре Русского Севера происходили в 1708, 1719, 1727, 1775, 1778 гг. В результате реформ менялись границы старых и создавались новые уезды, вводились новые административные единицы — провинции и наместничества. Подробнее об этом см.: *Кабузан В.М.* Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1963. С. 107–117; *Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVIII–XX веках: справочник.* Архангельск, 1997.

¹² Побережье Белого моря делилось на следующие берега: Терский, Кандакшский, Карельский, Поморский, Онежский, Летний и Зимний. См.: *Бернштам Т.А.* Поморы: формирование группы и система хозяйства. Л., 1978. С. 36–41. Жители подвинских городов Архангельска и Холмогор и волостей не считались поморами. Поморами называли только жителей поморских берегов Белого моря. См.: Там же. С. 70–71.

6. Рассмотреть особенности системы эксплуатации (покрута) промышленников мурманского и новоземельского промыслов: их общие и особенные черты, наличие или отсутствие кабальности в отношениях организатора и работника.

7. Установить роль вотчинных структур монастырей — хозяйственных служб, зависимого крестьянства и служебников — в организации промыслового освоения Европейской Арктики.

8. Раскрыть технологию ведения промыслового хозяйства, соотношение в нем традиции и новаторства, объемы добычи морских ресурсов на протяжении XVI–XVIII вв.

9. Установить место промыслов в структуре крестьянского и монастырского хозяйства; оценить соотношение в них рыночных и потребительских элементов.

10. Выявить модели хозяйственного освоения Европейской Арктики, возникшие в результате развития мурманского и новоземельского промыслов.

11. Проследить влияние модернизационных процессов в России первой половины XVIII в. на монастырскую и крестьянскую промысловую колониацию Российской Арктики.

12. Раскрыть повседневную жизнь мурманских и новоземельских промышленников.

Одним из ведущих направлений в развитии исторической науки второй половины XX — XXI в. является социальная история и ее ответвления, оформившиеся в самостоятельные исследовательские направления: локальная история, микроистория и история повседневности. Главной задачей социальной истории является изучение социальных групп и социальных практик, позволяющее понять внутреннюю структуру общества¹³. В качестве ответвления социальной истории можно рассматривать и крестьяноведение — полидисциплинарное направление, возникшее на стыке истории, социологии и экономики и рассматривающее феномен крестьянства во всемирной истории. Значительное внимание этому вопросу было уделено в рамках теоретического семинара «Современные проблемы аграрного развития», материалы которого публиковались на страницах журнала «Отечественная история» на протяжении 1990-х гг.¹⁴ Его участники, российские и зарубежные исследователи, в ходе обсуждения концепций известных специалистов в области

¹³ Об этом направлении см.: *Репина Л. П.* Парадигмы социальной истории в исторической науке XX столетия // XX век. Методологические проблемы исторического познания: Сб. обзоров и реф.: В 2 ч. Ч. 1. М., 2001. С. 72–103; *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 61–119; *Маловичко С. И.* Социальная история // Теория и методология исторической науки: терминологический словарь. М., 2014. С. 461–463.

¹⁴ В настоящее время все материалы этого теоретического семинара объединены в одном издании. См.: Современное крестьяноведение и аграрная история в XX веке / под ред. В. В. Бабашкина. М., 2015.

крестьяноведения (Дж. Скотта, Э. Вульфа, Р. Редфилда, Т. Шанина и др.) выявили ряд характерных черт крестьянской экономики: потребительский характер, роль институтов взаимоподдержки, моральные критерии в оценке крестьянством эксплуатации, вовлеченность крестьянских сообществ в более крупные социальные и политические организмы (начиная от племени и заканчивая вотчиной и государством)¹⁵. С этими идеями оказываются созвучны и теоретические размышления выдающегося историка-медиевиста А. Я. Гуревича о природе феодального общества. В ходе дискуссии о феодализме¹⁶ ученым была высказана мысль, что крестьянский мир (по выражению ученого, «Атлантида»), составлявший основу феодального общества, отнюдь не был поглощен его институтами: сеньорией, вассально-сюзеренными отношениями, наконец, государством¹⁷. Экономика крестьянства носила потребительский характер, что обеспечивало ее устойчивость, а социальные отношения строились на основе обмена дарами¹⁸. При этом взгляд крестьянина на самого себя не был уничижительным: не представляя себя угнетенным сословием, крестьяне обладали чувством независимости и собственного достоинства.

В известной мере самостоятельным и независимым было и крестьянство Поморья, чему способствовало как отсутствие в регионе поместных отношений, что препятствовало утверждению крепостничества в его классическом виде¹⁹, так и удаленность от центра политической власти. Самостоятельность северного крестьянства в хозяйственных вопросах и организации общественной жизни нашла отражение в исследованиях ученых XX — начала XXI в.²⁰ Это дало повод О. В. Новохатко увидеть в развитии

¹⁵ Теоретические проблемы крестьянства и крестьянского хозяйства особенно обстоятельно рассматривались в рамках семинаров 1–3, 5 и 7.

¹⁶ Дискуссия состоялась 25 апреля 2005 г. Материалы обсуждения проблемы были опубликованы. См.: Одиссей. Человек в истории: Исследования по социальной истории и истории культуры. 2006: Феодализм перед судом историков. СПб., 2006. С. 5–201; Феодализм: понятие и реалии: [материалы круглого стола, Москва, 25 апреля 2005 г.]. М., 2008.

¹⁷ Гуревич А. Я. Феодализм перед судом историков, или о средневековой крестьянской цивилизации // *Он же*. История — нескончаемый спор. М., 2005. С. 880–882.

¹⁸ Там же. С. 882–883.

¹⁹ На это обращалось внимание уже в дореволюционной историографии. См.: Платонов С. Ф. Прошлое Русского Севера: Очерки по истории колонизации Поморья // *Он же*. [Собрание сочинений по русской истории: В 2 т.]. [Т. 2]: Биографические произведения. Исторические очерки. СПб., 1994. С. 319.

²⁰ Всеобъемлющий взгляд на развитие крестьянства Русского Севера представлен в работах М. М. Богословского и А. И. Копанева. Первый исследователь опирался на материалы преимущественно Устюжского уезда, второй — Двинского. Можно говорить о некоторой территориальной ограниченности этих исследований. Достаточно сказать, что вне сферы внимания остались промысловые занятия крестьянства и артельная организация промыслов. В недавнее время по-новому к истории крестьянства Русского Севера подошла Е. Н. Швейковская, обратившаяся к анализу

северного крестьянства своеобразную альтернативу российской истории XVII–XVIII вв., пошедшей по крепостническому пути²¹.

Достижения современной науки дают возможность глубже раскрыть и проблему нашего исследования. Это касается взаимоотношений монастырей и крестьянства в процессе промысловой колонизации Крайнего Севера, отнюдь не сводимых только к эксплуатации последних, но и включавших элементы взаимного сотрудничества и поддержки²². Немаловажным представляется и выявление в артельных отношениях проявлений традиционных крестьянских институтов — общины и семьи, в системе покрута — сочетания черт уравнительного распределения доходов промысла и более высокого материального вознаграждения организаторов и руководителей (кормщиков) промысла.

Существенным является и уяснение места рыболовного и зверобойного промыслов в экономике как монастырей, так и региона в целом.

Для обработки информации хозяйственных документов монастырей и северных таможен были использованы базы данных, выполненные в программе Microsoft Access. Значение баз данных в исторических исследованиях уже давно признано. Опыт использования баз данных, в частности в исследовании истории монастырей Урала, освещен в работах М. Ю. Нечаевой²³. Для нашего исследования были составлены базы данных, включающие информацию об участниках промысловой колонизации — организаторах промысла и членах артелей (кормщиках и покручениках). Благодаря базам данных удалось выявить те тенденции в развитии промысла, которые не могут быть обнаружены при обычном качественном анализе источников. В частности,

особенностей его повседневной жизни и мировосприятия. См.: Швейковская Е. Н. Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI — начала XVIII века. М., 2012.

²¹ *Новохатко О. В.* Земля, крестьянин и воля: Русский Север XVII века. (О новой монографии Е. Н. Швейковской) // Российская история. 2014. № 2. С. 74–75.

²² Такая постановка вопроса, связанная с изучением взаимодействия крестьянской волости и монастырской организации на Русском Севере, была представлена Т. Э. Довбыш на материалах вотчины Соловецкого монастыря XVI — начала XVII в. См.: *Довбыш Т. Э.* Соловецкий монастырь и черносошная крестьянская волость в XV–XVI вв. // Феодальная Россия: Новые исследования: Сб. науч. ст. СПб., 1993. С. 25–29; *Она же.* Морские промыслы Соловецкого монастыря в XV–XVI вв. // Россия. Север. Море: Тез. докл. междунар. науч. конф., посвящ. 300-летию первого приезда Петра Великого в Архангельск и основанию Соломбальской верфи (1693–1862 гг.) — колыбели российского флота. Ч. 1. Архангельск, 1993. С. 15–17. Объемы работы не позволили автору представить развернутую аргументацию своих взглядов, ограничившись тезисным изложением.

²³ *Нечаева М. Ю.* Уральское монашество синодального периода: опыт создания и использования просопографических баз данных // Уральский исторический вестник. 2012. № 3 (36). С. 109–115; *Она же.* «Послужные списки» монахов: история возникновения и информационные границы // Научный диалог. 2015. Вып. 11 (45). С. 163–176.

это касается территориальных групп промышленников, персонального состава работников артелей и т. п.

В отечественной историографии нет целостных исследований, посвященных хозяйственному освоению Европейской Арктики в период Средневековья и Нового Времени. В историографии, как правило, поднимались проблемы, связанные с историей географических открытий в Арктике и роли в них России. Проблема хозяйственного освоения если и ставится в науке, то применительно к периоду новейшей истории (XX — начало XXI в.), особенностью которого является использование современных научных и технических достижений в освоении разнообразных богатств арктических территорий: полезных ископаемых, углеводородов, биологических ресурсов. Доиндустриальный период хозяйственной деятельности в Арктике оказался в тени экономического развития региона в новейший период отечественной истории. Так, остается не раскрытой роль в промысловой колонизации Европейской Арктики социальных объединений (артелей), а также способов ведения хозяйства, позволявших выходцам из Русского Севера в течение столетий осваивать регион, создавая условия для его последующего промышленного развития.

Остается не раскрытой роль основных участников колонизации — монастырей и крестьян — в освоении территорий Крайнего Севера. В дореволюционной и советской историографии монастырское хозяйство Русского Севера рассматривалось как вотчинное, основывавшееся на эксплуатации крестьянства, а также на развитии солеварения и речных рыбных промыслов в континентальной части региона. Не отрицая значимости этих отраслей монастырской экономики, отметим, что более десятка монастырей Поморья на протяжении длительного исторического периода (с XVI по XVIII в.) вели хозяйство в Европейской Арктике — на Мурманском берегу и Новой Земле. Здесь было невозможно вотчинное хозяйство. Таким образом, остается нерешенной проблема организации промысловой деятельности монастырей в условиях неосвоенных земель, требовавшей использования как вотчинных механизмов (хозяйственных служб, привлечения к промыслу монастырских крестьян и служебников), так и выработанных веками крестьянских институтов, прежде всего артели.

Промыслы как основа крестьянского хозяйства Русского Севера получили освещение во многих исследованиях. Но, как и в случае с характеристикой монастырского хозяйства, ученые уделяли основное внимание развитию континентальных промыслов, прежде всего солеварению и добыче семги. Несмотря на то, что участие крестьян в отдаленных промыслах в Европейской Арктике известно, оно не стало предметом специального исследования. Так, невыявленными остаются районы Русского Севера, связанные с мурманским и новоземельским промыслами, количественные показатели занятости крестьян в промысле в разные периоды, а также взаимосвязь развития крестьянских и монастырских промыслов в Европейской Арктике.

В процессе исследования решена значительная научная проблема: установлена роль крестьян и монастырей Поморья в хозяйственном освоении

Европейской Арктики, выявлены формы социальной организации промышленной колонизации.

Выход в свет этой работы был бы невозможен без помощи и поддержки коллег и друзей из Апатит, Архангельска, Вологды, Москвы, Мурманска, Санкт-Петербурга, Самары — О. А. Абеленцевой, А. В. Алёшковой, Н. В. Башнина, А. А. Богомазовой, Р. А. Давыдова, А. В. Дедука, Н. В. Дойковой, Э. Л. Дубмана, Д. А. Ермолаева, П. С. Кабытова, О. Б. Леонтьевой, Ю. А. Мизиса, А. В. Пешковой, И. А. Разумовой, А. А. Селина, А. Н. Старицына, Т. А. Тутовой, Т. А. Хрипуновой, М. С. Черкасовой, С. О. Шаляпина.

Выражаю благодарность рецензентам монографии — В. Л. Державину и Т. С. Минаевой. Особую признательность хотел бы высказать А. В. Воронину и Э. В. Дмитриевой, чей критический взгляд на мои изыскания стимулировал работу над книгой.

Финансовую поддержку в проведении исследований, составивших основу настоящей монографии, оказывали гранты Российского фонда фундаментальных исследований (Российского гуманитарного научного фонда) и Германского исторического института в Москве.

Без поддержки моих близких — жены и дочери — этот труд вряд ли мог состояться. Им я посвящаю свою работу.

ГЛАВА 1

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

Изучение истории крестьянской и монастырской колонизации районов Европейской Арктики имеет давнюю историографическую традицию, уходящую корнями в работы русских путешественников и исследователей Русского Севера конца XVIII — начала XIX в. В XX в. возник ряд обобщающих работ по истории Крайнего Севера Европейской России, в которых нашли отражение мурманский и новоземельский промыслы. Однако проблема промысловой колонизации так и не стала объектом специального исследования. Появившиеся работы касались отдельных, порою дублирующих друг друга, аспектов этой проблемы.

Со второй половины XIX в. внимание исследователей привлекали вопросы артели и покрута на рыбных и звериных промыслах. Они вызывали не только научный, но и практический интерес: начавшаяся с 1860-х гг. колонизация Мурманского берега открывала для власти и общества России жизнь промышленников и ставила на повестку дня вопросы улучшения хозяйственных и социальных условий мурманского промысла. В связи с этим в печати появляется немало работ, посвященных организации артели и покруту — условиям найма и содержания работников на промысле. Поднятые в научной литературе дореволюционного периода проблемы были восприняты и советской историографией. Хотя вопрос об артели и покруте уже не вызывал значительного интереса, определенные наработки были сделаны. В частности, проблема стала рассматриваться в рамках дискуссии о специфике феодализма на Русском Севере и переходе от феодального к капиталистическому укладу. Попытки осветить изучение артели и покрута мурманского промысла в историографическом ракурсе предпринимались, но носили далеко не полный характер¹.

Если вопросы истории мурманского и новоземельского промыслов стали предметом историографического изучения, то источниковедческое исследование проблемы осталось нерешенной научной задачей. Исключением стали

¹ *Панов Д.А.* Советская и современная историография социальной организации мурманских промыслов в XIX — первой трети XX в. // VII Ушаковские чтения: сб. науч. ст. Мурманск, 2011. С. 263–266; *Он же.* Артель покрутчиков как основная промысловая единица мурманских промыслов 1860–1890-х гг. // Ученые записки МГГУ. Исторические науки: сб. науч. ст. Мурманск, 2012. Вып. 12. С. 67–69.

незначительные по объему и охвату источники работы некоторых исследователей. Поэтому не будет преувеличением сказать, что источники по истории мурманского и новоземельского промыслов XVI–XVIII вв. в настоящей работе впервые подвергаются комплексному исследованию.

1.1. Историография

1.1.1. Промысловая колонизация в оценках отечественной историографии XIX – начала XXI в.

Изучение хозяйственного освоения Русского Севера было заложено фундаментальным исследованием М. М. Богословского, определившего территориальные рамки Поморья и рассмотревшего историю формирования территориально-административных единиц региона — уездов². В последующем в науке рассматривалась история колонизации отдельных районов Русского Севера: Карелии (Заонежье и Поонежье)³, Подвинья и Поважья⁴, Мезени и Печоры⁵, Кольского п-ова⁶. Существуют обобщающие научные и научно-популярные работы, представляющие основные этапы освоения региона⁷. Колонизация рассматривалась как процесс заселения (создания постоянных поселений) и организации стационарного хозяйства, существенную роль в котором играло земледелие и животноводство. Территории, где не сложилось постоянного населения, где было невозможно ведение традиционного для русских сельского хозяйства, но, тем не менее, осваивавшиеся на протяжении столетий, долгое время не становились объектом самостоятельного исследования.

Первые работы, посвященные колонизации районов Арктики и Субарктики, стали появляться в начале XX в. под влиянием социально-политических факторов: интереса к экономическому развитию отдаленных регионов империи, роли Крайнего Севера как альтернативного пути в развитии

² *Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. [Т.] 1. М., 1909. С. 1–31.

³ *Витов М. В., Власова И. В.* География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII веках. М., 1974; *Побежимов А. И.* Заселение и хозяйственное освоение Северного Поонежья в середине XVI — начале XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Петрозаводск, 2014.

⁴ *Васильев Ю. С.* Феодальное землевладение на Ваге // *Он же.* Избранные труды по истории Европейского Севера России XII–XVII веков. Вологда, 2013. С. 98–104. Работа впервые была опубликована в 1971 г.

⁵ *Окладников Н. А.* Мезенские деревни: ист. очерки. Архангельск, 2012.

⁶ *Ушаков И. Ф.* ИП. Т. 1. С. 29–45.

⁷ *Колесников П. А.* Северная деревня в XV — первой половине XIX века: к вопросу об эволюции аграрных отношений в русском государстве. Вологда, 1976. С. 72–103; *Бернштам Т. А.* Поморья: формирование группы и система хозяйства. Л., 1978. С. 20–35; *Булатов В. Н.* Русский Север: [В 3 кн.]. Кн. 1: Заволочье (IX–XVI вв.). Архангельск, 1997.

военно-экономических связей России и союзников в период Первой мировой войны.

С. Ф. Платонов, наверное, раньше других обратился к проблеме промыслового освоения Русского Севера. В ряде работ⁸ ученый выдвинул предположение о нескольких направлениях колонизации региона. Одним из них была новгородская колонизация, организованная боярством Господина Великого Новгорода в XIV–XV вв. Бояре, направляя на север промысловые ватаги, организовывали на побережье Белого моря «фактории», занимавшиеся вываркой соли и добычей рыбы. Они послужили стартовой площадкой для дальнейшего продвижения на север — на побережье Баренцева моря. Политический упадок Новгорода привел к тому, что из основанных боярством «факторий» возникли крестьянские волости⁹.

Вторым направлением было низовское¹⁰, инициированное великокняжеской властью. Владимирские, а затем московские великие князья осваивали соколиный («кречатий») промысел Русского Севера, вступая в противоборство с Новгородом в регионе¹¹. Великокняжеская колонизация также содействовала проникновению крестьянского населения на Русский Север.

В XVI–XVII вв. побережье Белого и Баренцева морей, по выражению С. Ф. Платонова, «от Варгава и Печенги... до Кандалакши», было освоено светскими промышленниками и духовными организациями¹².

А. А. Кизеветтер также выделял две формы колонизации Русского Севера в период независимости Новгородской республики — правительственно-военную и народную, или трудовую. Первая сводилась к обложению местных народов данью, вторая — к грабежу тех же народов и созданию промыслового хозяйства¹³. Обе формы колонизации открывали путь продвижению на север крестьянства.

Если историки дореволюционной школы рассматривали колонизацию как позитивное явление, не противопоставляя ее формы друг другу, то в советской историографии под влиянием классового подхода возникла новая тенденция разделения феодальной и народной колонизации.

⁸ «Был ли первоначально Русский Север крестьянским?»; «Новгородская колонизация Севера»; «Низовская колонизация Севера». Все эти исследования, а также другие, смежные по проблематике, вошли как очерки в собрание сочинений исследователя. См.: Платонов С. Ф. Прошлое Русского Севера. Очерки по истории колонизации Поморья // *Он же*. [Собрание сочинений по русской истории: В 2 т.]. [Т. 2]: Биографические произведения. Исторические очерки. СПб., 1994. С. 315–380.

⁹ Платонов С. Ф. Прошлое Русского Севера. С. 322–324, 327–328.

¹⁰ Низ — название земель Северо-Востока Руси, употреблявшееся в XII–XV вв.

¹¹ Платонов С. Ф. Прошлое Русского Севера. С. 336. Заволочье — название Двинской земли.

¹² Платонов С. Ф. Начало русских поселений на Мурмане // Производительные силы района Мурманской железной дороги. Петрозаводск, 1923. С. 6.

¹³ Кизеветтер А. А. Русский Север. Роль Северного края Европейской России в истории Русского государства. Вологда, 1919. С. 14–15, 20.

Н. И. Ульянов рассматривал взаимосвязь колонизации Кольского п-ова¹⁴ и экономики региона. Он выделял две формы колонизации: военно-феодальную, осуществлявшуюся государством, и церковно-феодальную, осуществлявшуюся монастырями¹⁵. Каждая из них преследовала только одну цель — эксплуатацию природных богатств (промыслов) и коренного населения (саамов) Кольского уезда. В этом, согласно Н. И. Ульянову, освоение церковью и государством краин Европейского Севера ничем не отличалось от аналогичного процесса продвижения на Урал и в Сибирь¹⁶.

Наряду с феодальной, действовала и народная колонизация, связанная с развитием рыбных промыслов на Мурманском берегу. Ее участниками были посадские люди и крестьяне Поморья¹⁷. Первенство в освоении побережья принадлежит именно народной колонизации¹⁸.

В дальнейшем мысль о свободном, не организованном свыше освоении арктических районов Европейской России становится ведущей в историографии. В работах, написанных в послевоенный период, утверждается представление о проникновении славян на Крайний Север Европейской России в древнерусскую эпоху¹⁹. Сохраняет свое значение и представление о двух потоках колонизации Русского Севера — новгородском и владимиросудальском. В частности, Т. А. Бернштам выделяла роль Ладоги в освоении Европейского Севера России в период Средневековья²⁰.

Обобщающий подход к истории освоения Арктики был представлен в фундаментальном труде М. И. Белова²¹. Исследователь разделял принятую в советской историографии мысль о раннем освоении русскими Крайнего Севера²². В его работе рассмотрены участие поморов в промыслах

¹⁴ Историк называет регион Мурманом, что соответствует устоявшейся в литературе XIX — начала XX в. терминологии, но не точно с исторической точки зрения. Мурман — побережье Баренцева моря, а не весь п-ов.

¹⁵ *Ульянов Н. И.* Феодальная колонизация и экономика Мурмана в XVII в. // Исторический сборник: В 5 т. Т. 1. Л., 1934. С. 90, 92.

¹⁶ Там же. С. 92.

¹⁷ Там же. С. 109–113.

¹⁸ Там же. С. 113.

¹⁹ *Мавродин В. В.* Русское полярное мореходство и открытия русских поморов на севере Европы с древнейших времен и до XVI века // Вопросы истории. 1954. № 8. С. 96–108; Очерки истории СССР: В 9 т. Т. [3]: Период феодализма. IX–XV вв.: В 2 ч. Ч. 2: XIV–XV вв. Объединение русских земель вокруг Москвы и образование русского централизованного государства. М., 1953. С. 461; *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: Историко-географическое исследование. Монголы и Русь: История татарской политики на Руси. СПб., 2006. С. 100–103. Первое издание работы вышло в 1951 г.

²⁰ *Бернштам Т. А.* Поморы: формирование группы и система хозяйства. С. 20–26. Ранее эту мысль высказывал А. Н. Насонов. См.: *Насонов А. Н.* Указ. соч. С. 73.

²¹ *Белов М. И.* Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. М., 1956.

²² Там же. С. 34–37.

на Мурманском берегу и Новой Земле в XVI–XVIII вв.²³, негативное воздействие государственной политики на развитие крестьянской промысловой колонизации в XVIII в.²⁴ и другие вопросы. Основной упор ученым был сделан на изучение такой широкой проблемы, как история географических открытий в Арктике и роль в этом процессе крестьян Поморья.

Новый этап в изучении проблемы промыслового освоения Крайнего Севера относится к рубежу 1980–1990-х гг. Усилиями целого ряда ученых, как российских, так и зарубежных, проводится исследование памятников материальной культуры Крайнего Севера Европейской России и Европы. Такие работы проводятся на р. Печоре (исследование Пустозерска) и архипелаге Шпицберген. Изучение этих памятников во многом связано с именами В. Ф. Старкова и О. В. Овсянникова. Оба исследователя независимо друг от друга высказали мнение, что районы хозяйственной деятельности поморов были связаны не только с континентальной частью Европейского Севера России, но в значительной мере и с отдаленными районами Арктики²⁵. Таким образом, промыслы на неосвоенных людьми территориях, к которым относились Мурманский берег и Новая Земля, а также архипелаг Шпицберген, были такой же неотъемлемой частью жизни поморов, как участие в добыче семги или выварке соли.

П. А. Филин, подводя своеобразный итог изучению в отечественной историографии проблемы освоения Российской Арктики в XVI–XVIII вв., отмечал, что до сих пор остается не введенным в научный оборот большой пласт источников, связанных с освоением этого региона, а также не выявлена роль в колонизации отдельных социальных групп: казаков, промышленников, коренного населения²⁶. Принимая этот вывод, добавим, что внимание ученых преимущественно было направлено на изучение открытия отдаленных территорий, их включение в систему географических представлений. Опыт длительного освоения этих районов, не связанный с деятельностью государства, как правило, не вызывал интереса у историков. Некоторое исключение составляют работы В. Ф. Старкова и О. В. Овсянникова, о которых речь пойдет ниже.

Отдельно в изучении промысловой колонизации Русского Севера стоял вопрос о роли монастырей в этом процессе, сформулированный В. О. Ключевским. Он выявил связь между распространением в Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. монастырей-пустыней, организованных по общежительному

²³ Белов М. И. Указ. соч. С. 46–66, 349–352.

²⁴ Там же. С. 343–348.

²⁵ Например, см.: Овсянников О. В. Поморская промысловая «энциклопедия» конца XVIII в. // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 71–75; Старков В. Ф. Удаленные промыслы русских поморов // Вестник «Баренц-центра» МГГУ. Мурманск, 2010. Вып. 9. С. 33–45.

²⁶ Филин П. А. История исследования и освоения Арктики: основные этапы осмысления и белые пятна истории // Арктика: история и современность: Тр. междунар. науч. конф. 20–21 апреля 2016 г. Санкт-Петербург. М., 2014. С. 282.

принципу, и крестьянской колонизацией отдаленных районов. Начало такой деятельности было положено Сергием Радонежским и его учениками — основателями ряда северных монастырей²⁷. Специальный очерк В. О. Ключевский посвятил участию Соловецкого монастыря в промысловом освоении районов Белого моря. Обитель, пользовавшаяся высоким нравственным авторитетом, привлекала к себе не только новых людей, пополнявших ряды соловецких иноков, но и значительные материальные ресурсы. Это, по замечанию историка, способствовало сосредоточению «в руках соловецкого братства обширных и многочисленных земельных участков в Беломорье», на которых возникли «хозяйственные заведения» монастыря²⁸.

М. К. Любавский отмечал не только проникновение монастырей в глухие уголки Северо-Востока и Севера Руси²⁹, но и их содействие росту сельских и городских поселений в XV–XVII вв. Ведущая роль монастырей в колонизации подкреплялась поддержкой власти, жаловавшей земли и предоставлявшей налоговые привилегии³⁰. Исследователь отмечал также роль монастырей в продвижении православия среди нерусских народов, в том числе и Крайнего Севера Европейской России³¹.

С. Ф. Платонов повторяет выводы В. О. Ключевского о роли Троице-Сергиева монастыря в монастырской колонизации на Северо-Востоке и Севере Руси и значении монастырей как «пионеров» в прокладывании путей для крестьянской колонизации³². Это относится в том числе к монастырям Крайнего Севера Европейской России — Кандалакшскому и Печенгскому³³.

М. М. Богословский в фундаментальном исследовании местного самоуправления Русского Севера отмечал, что облик северных монастырей определялся рыбным и соляным промыслами. Сами обители он рассматривал как «торгово-промышленные предприятия»³⁴.

А. А. Кизеветтер также видел в северных монастырях «обширные хозяйственные предприятия», занимавшиеся промыслами³⁵. Активную роль в промысловой колонизации западной части Кольского п-ова, по мнению историка, играл Троицкий Печенгский монастырь, организовавший здесь добычу рыбы и ведший торговлю с иностранцами³⁶. Роль Троицкого Печенгского

²⁷ Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. Т. 2: Курс русской истории. Ч. 2. М., 1988. С. 230–247.

²⁸ Ключевский В. О. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае // *Он же*. Сочинения: в 9 т. Т. 8: Статьи. М., 1990. С. 13.

²⁹ Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб., 2000. С. 132–141.

³⁰ Там же. С. 146–149.

³¹ Там же. С. 151–154.

³² Платонов С. Ф. Прошлое Русского Севера. С. 342–343.

³³ Там же. С. 344.

³⁴ Богословский М. М. Указ. соч. С. 68–69.

³⁵ Кизеветтер А. А. Указ. соч. С. 29.

³⁶ Там же. С. 36–37.

монастыря в освоении западной части Кольского п-ова была показана в исследованиях А. И. Андреева и А. А. Савича³⁷.

Таким образом, монастырская и крестьянская колонизация, по мнению дореволюционных исследователей, шли рука об руку, не выступая антагонистами.

В историографии 1920–1930-х гг. формировалось и критическое отношение к роли монастырской колонизации. Известное влияние на этот подход оказала господствующая в СССР идеология воинствующего безбожия. Так, в очерке В. К. Алымова о колонизации Кольского п-ова отмечается, что монастыри выступали центрами «экономического, политического и морального порабощения» саамов. Значительную роль в этом процессе, как отмечает автор, в XV–XVI вв. сыграли Соловецкий и Троицкий Печенгский монастыри, а со второй половины XVI в. и монастыри из других районов Московского государства основывают там свои «промышленные фактории». Основу их хозяйственной деятельности составляли соляной и рыбный промыслы³⁸.

Скептический подход к монастырской колонизации сохранялся в советской историографии и позже, в послевоенный период. В обобщающем труде М. Н. Тихомирова, посвященном социально-экономическому развитию России в XVI в., отмечалось, что монастыри приходили на уже освоенные крестьянами земли³⁹. Этой же точки зрения придерживались И. У. Будовниц, А. М. Борисов, И. П. Шаскольский⁴⁰.

И. Ф. Ушаков в многочисленных научно-популярных публикациях, выходивших в 1960–1980-е гг., и обобщающем труде «Кольская земля» рассматривал монастыри как феодалов Крайнего Севера. Монастырской колонизации способствовали отсутствие землевладения светских групп феодалов и наличие свободных крестьянских земель. Способами формирования владений были захват, взятие угодий за долг, религиозное воздействие на крестьян, передававших угодья вкладами в обители⁴¹. Значительным фактором, определившим рост монастырского землевладения на Крайнем Севере, стал Басаргин правож 1568 г., в результате которого произошло массовое разорение крестьян.

³⁷ Андреев А. И. К истории русской колонизации западной части Кольского полуострова // Дела и дни. 1920. Кн. 1. С. 23–36; Савич А. А. Главнейшие моменты монастырской колонизации Русского Севера XIV–XVII в. // Сборник Общества исторических, философских и социальных наук при Пермском университете. Вып. 3. Пермь, 1929. С. 75–79.

³⁸ Алымов В. К. Пять веков (XIV–XIX) // Полярная правда. 1936. 30 мая. С. 3.

³⁹ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 237–240.

⁴⁰ Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в. — начало XVII в. М., 1955. С. 462; Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI вв. М., 1966. С. 357–358; Борисов А. М. Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в XVI–XVII веках. Петрозаводск, 1966. С. 52–53.

⁴¹ Ушаков И. Ф. ИП. Т. 1. С. 51–53.

Высказывают сомнения относительно существования в России такого явления, как монастырская колонизация, и авторы новейшей обобщающей работы по истории православных монастырей в России⁴².

Если общие вопросы монастырской и крестьянской колонизации получили характеристику в историографии, то собственно организации промыслового хозяйства уделялось незначительное внимание. Одним из таких исследований была работа А. М. Борисова, посвященная хозяйству Соловецкого монастыря. Исследователь рассмотрел основные отрасли экономики обители: солеварение, рыбный промысел, участие в торговле⁴³.

Отдельным аспектом проблемы является организация промыслового хозяйства крестьянами и монастырями Европейского Севера России. Формирование рыболовного и зверобойного промыслов относится еще к эпохе древности и Средневековья. Обобщенный взгляд на проблему рыбного промысла средневековой Руси был представлен в исследовании А. В. Кузы, подготовленном в 1970 г., но опубликованном совсем недавно⁴⁴. Значительное место в работе историка занимает анализ археологического материала и письменных источников, относящихся к Северо-Западу России. А. В. Кузой была выявлена значимая роль рыболовства в хозяйстве восточных славян и средневековой Руси, рассмотрена эволюция способов добычи и обработки рыбы, показан коллективный характер рыбной ловли, способствовавший складыванию артелей⁴⁵.

В коллективных исследованиях истории крестьянства Северо-Запада России и Русского Севера проблема промыслов получила беглое освещение. Так, в фундаментальной «Аграрной истории Северо-Запада России» основное внимание было сосредоточено на земледельческом хозяйстве крестьянства. В главах, посвященных крестьянству Поморья — Двинской и Важской земли, существование рыбных промыслов просто констатируется как факт, без детального анализа проблемы⁴⁶. Исключение составляет краткая характеристика рыбного промысла волостей Подвинья и Терского берега, данная А. И. Копаневым⁴⁷.

⁴² Водарский Я. Е., Истомина Э. Г. Православные монастыри России и их роль в развитии культуры (XI — начало XX в.). М., 2009. С. 30, 53–54. Эту точку зрения оспаривает Н. В. Башнин, считающий, что монастыри, расширяя вотчинные владения на неосвоенных землях, содействовали крестьянскому расселению. См.: Башнин Н. В. Монастырская колонизация и хозяйственное освоение земель Русского Севера в первой половине XVI в. // Российская история. 2015. № 6. С. 42–43.

⁴³ Борисов А. М. Указ. соч. С. 84–96, 154–190.

⁴⁴ Куза А. В. Рыбный промысел в Древней Руси. СПб., 2016.

⁴⁵ Там же. С. 56–94, 110–113, 183–188.

⁴⁶ См.: Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971. С. 296. (Раздел «Крестьянское хозяйство» написан А. И. Копаневым); Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада. Л., 1978. С. 27–28, 72–73. (Раздел «Важский уезд» написан Ю. С. Васильевым, «Северная Двина» — А. И. Копаневым).

⁴⁷ Аграрная история Северо-Запада России XVI века. С. 27–28.

Немного больше внимания уделено этой проблеме в «Истории северного крестьянства». Так, в исследовании отмечалось, что промыслы в отдаленных районах Российской Арктики — на Мурманском берегу, Новой Земле и Шпицбергене — имели постоянный характер. Правда, в них, по данным авторов, было занято от 2 до 8% крестьянских дворов Подвinya⁴⁸. К сожалению, источники этих подсчетов в монографии не раскрыты.

Нельзя обойти вниманием и следующее обстоятельство. Отдаленность и незаселенность целого ряда регионов России в XVII–XVIII вв. способствовали формированию в них исторических процессов, схожих с имевшими место на Крайнем Севере Европейской России. Так, феномен промысловой колонизации, связанный с развитием рыбных и морских звериных промыслов, возник в Нижней Волге и Русской Америке. Не претендуя на полноту охвата посвященных этим регионам исследований, отметим наиболее заметные из них.

В работах Э.Л. Дубмана рассмотрен целый ряд аспектов проблемы развития рыбного промысла Среднего и Нижнего Поволжья⁴⁹. В этом регионе сложилось несколько промысловых районов, в которых добывали рыбу разные группы участников: духовные организации (монастыри, патриарший и архиерейские дома), аристократия и купечество⁵⁰. Таким образом, поволжское рыболовство в XVI–XVIII вв. не знало крестьянского промысла. Э.Л. Дубманом была рассмотрена структура промысла, включавшего несколько элементов: места добычи рыбы, хозяйственные помещения для обработки рыбы и обслуживания промысла, пункты доставки и сбыта продукции. Исследователь выявляет элементы мануфактурного производства в промысловых предприятиях⁵¹. Отдельно рассматривается вопрос о найме рабочей силы. Историком выделены две формы использования наемного труда: привлечение зависимого крестьянства и наем «вольных» людей⁵².

⁴⁸ История северного крестьянства: В 4 т. Т. 1. Крестьянство Европейского Севера в период феодализма. Архангельск, 1984. С. 240.

⁴⁹ Дубман Э.Л., Кабытов П.С., Тагиров Н.Ф. Очерки истории Юго-Востока Европейской России. Самара, 2004. С. 40–117; Дубман Э.Л. Юго-Восток Европейской России. Ч. 1. Поволжский фронт в середине XVI – XVII вв. Очерки истории. Самара, 2012. С. 161–178; *Он же*. Рыболовство в хозяйственной деятельности сельского населения Южного Средневолжья на рубеже XVII–XVIII вв. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2012. № 8–2 (99). С. 53–59; *Он же*. Рыболовецкие промыслы Юго-Востока Европейской России в конце XVI – начале XVIII века // Российская история. 2012. № 3. С. 128–138; и др.

⁵⁰ Дубман Э.Л. Рыболовецкие промыслы Юго-Востока Европейской России в конце XVI – начале XVIII века. С. 130–132.

⁵¹ Дубман Э.Л., Кабытов П.С., Тагиров Н.Ф. Указ. соч. С. 65–66; Дубман Э.Л. Рыболовецкие промыслы Юго-Востока Европейской России в конце XVI – начале XVIII века. С. 134–135; *Он же*. Рыболовство в хозяйственной деятельности сельского населения Южного Средневолжья на рубеже XVII–XVIII вв. С. 56–57.

⁵² Дубман Э.Л., Кабытов П.С., Тагиров Н.Ф. Указ. соч. С. 84–98.

Разные формы использования труда предполагали и разную систему его оплаты. Среди работников промысла существовала специализация, разделившая их на занятых в добыче или обработке рыбы. Приходит Э. Л. Дубман и к важному выводу о том, что рыболовное хозяйство духовных организаций носило потребительский характер и в значительной мере обеспечивало потребности монастырей, патриарших и архиерейских хозяйств⁵³. Историк отмечал и сложности в реконструкции бюджета рыболовецкого хозяйства духовных организаций, поскольку далеко не все расходы на содержание промысла имели денежное выражение⁵⁴.

Извлечение коммерческой выгоды, напротив, играло значительную роль в организации промысла в Русской Америке во второй половине XVIII в. Деятельность промысловых объединений, предшествовавших созданию Российско-Американской компании, нашла отражение в исследованиях А. В. Гринева, Р. В. Макаровой, И. В. Савельева, Ф. Г. Сафронова, С. Г. Федоровой и др.⁵⁵ Организаторами этих компаний были и уроженцы Русского Севера. Промысловое объединение основывалось несколькими купцами (компанейщиками), каждому из которых принадлежало определенное количество паев — долей вложений в общее предприятие. На каждый пай приходилось определенное количество нанятых работников⁵⁶. Организация промысла, таким образом, носила характер складнического объединения, известного для отдаленных рыбных и звериных промыслов Русского Севера. Нанятые на промысел работники могли трудиться либо за долю добычи, либо за установленную плату.

Подробно был исследован и вопрос о количестве, территориальном и социальном составе работников промысла⁵⁷.

Однако промысловые объединения Русской Америки и Русского Севера были схожи не во всем. Существенным отличием компаний, действовавших в Тихом океане, было наличие конкуренции. Нередко их противоборство носило вооруженный характер⁵⁸.

⁵³ Дубман Э. Л., Кабытов П. С., Тагиров Н. Ф. Указ. соч. С. 62–63.

⁵⁴ Там же. С. 98–112.

⁵⁵ Макарова Р. В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968; Федорова С. Г. Русское население Аляски и Калифорнии. Конец XVIII в. — 1867 г. М., 1971; Она же. Русская Америка. От первых поселений до продажи Аляски. Конец XVIII в. — 1867 год. М., 2011; Сафронов Ф. Г. Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в. М., 1980; Гринев А. В., Макарова Р. В. Промысловое освоение Алеутских о-вов промышленниками (1743–1783). Взаимоотношения с алеутами и эскимосами // История Русской Америки, 1732–1867: В 3 т. Т. 1: Основание Русской Америки, 1732–1799. М., 1997. С. 69–108; Гринев А. В. Русские промышленники на Аляске в конце XVIII в. Начало деятельности А. А. Баранова // Там же. С. 164–175; Савельев И. В. Промысловое освоение Русской Америки во второй половине XVIII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2002.

⁵⁶ Макарова Р. В. Указ. соч. С. 100–103; Сафронов Ф. Г. Указ. соч. С. 38–40.

⁵⁷ Федорова С. Г. Русское население Аляски и Калифорнии. С. 153–161.

⁵⁸ Гринев А. В. Указ. соч. С. 164–169; Савельев И. В. Указ. соч. С. 17–27.

- 25, 39–42, 60, 61, 65, 158, 181, 202, 203,
206, 281, 311, 357, 388, 442, 447, 448,
451, 453, 455, 460, 463
- Шубино, становище (Восточный Мурман)
78, 119–121, 126, 137, 176, 183, 201,
300, 301, 313, 382, 396, 418
- Шуезерская, вол. 142, 143
- Шуерецкая, служба Соловецкого м-ря 90
- Шуерецкая (Шуерецкое, Шуя), вол. 51,
75, 129, 135, 136, 139, 140, 142–144,
146, 163, 165, 168, 177, 192, 225, 227,
228, 230, 232, 245, 246, 257, 263, 321,
322, 334, 369, 370, 442, 449, 461
- Шунгский, погост 226
- Шунжа 131
- Шуя см. Шуерецкая вол.
- Щербинина Губа, становище (Восточный
Мурман) 119
- Щербиниха, становище (Восточный Мур-
ман) 120, 121, 137, 192, 257
- Щукозерская (Щукозерско-Обозерская),
вол. 144, 359
- Экостров см. Экостровский
- Эндогубская (Ендогубская), д. 141
- Эндоозеро, вол. 146
- Юберская, д. 161
- Юго-Восток Европейской России 25, 326,
448
- Южное Средневожье 25, 326, 448
- Южный, о-в 6, 110, 155, 156, 158, 205
- Юрольская, вол. 160, 161
- Юшкозерская, д. 143
- Яренгская (Яренга), вол. 146, 320, 359
- Ярославль, г. 69

Научное издание

Сергей Александрович Никонов

**«КТО В МОРЕ НЕ ХОДИЛ, ТОТ БОГУ НЕ МАЛИВАЛСЯ»
Промысловая колонизация Мурманского берега и Новой Земли
крестьянами и монастырями Поморья в XVI–XVIII вв.**

Корректор *В. Т. Мусбахова*
Оригинал-макет *Л. Е. Голод*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 25.11.2020. Формат 70×100^{1/16}
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 40,3. Заказ № 2055. Тираж 300 экз.

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

ИЛЮСТРАЦИИ

Рис. 9. Кольский острог. Начало XIX в. (ГААО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 29. Л. 284).